

The background of the entire page is a repeating pattern of red roses on black stems with green leaves. The roses are stylized with white outlines and are scattered across the white background.

Ольга Макарова

Московский вопрос или
история одной Квартиры

18+

Ольга Макарова

**Московский вопрос, или
история одной Квартиры**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Макарова О. Д.

Московский вопрос, или история одной Квартиры /
О. Д. Макарова — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Пьеса о том, как квартирный вопрос «портил, портит и будет портить москвичей». О том, как некоторые Квартиры превращаются в музеи, а их жильцы - в зрителей.

© Макарова О. Д., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Место действия:	5
Действующие лица:	6
Пролог.	7
Действие первое.	8
Действие второе.	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Место действия:

Квартира в центре Москвы, в министерском доме советской постройки, на сцене представлена комнатой – залом.

В центре комнаты два деревянных стула, с мягкой обивкой, старые красивые добротные стулья. Между ними стол. На столе чайный сервиз, конфетница. Несколько папок, книги, фотоальбомы, листы белой бумаги, ручки и карандаши в стакане. По стенам друг напротив друга еще две пары стульев. В углах два кресла.

Действующие лица:

Галина Туманова: сорок три года, преподаватель английского языка, разведена (есть дочь двадцати одного года, учится в Санкт-Петербурге, живет там же у деда – отца Галины).

Игнат Банин: младший брат Галины, тридцать пять лет, без определенного рода занятий.

Цаплины:

Марк: сын Виктории Викторовны, московской чиновницы высокого ранга. Маменькин сыночек, служит под маминым началом. Сорок три года, недалекий, слабохарактерный.

Марина: жена Марка, тридцать лет, девушка яркой внешности, вычурно одета, плохо воспитана, наглая, хамоватая.

Вадим: агент Цаплиных

Брейдо-Агишевы:

Валерия Брейдо-Агишева: девушка тридцати лет, дочка богатого папы «бизнесмена».

Руслан Агишев: второй муж Валерии, на пять лет моложе ее, из многочисленной семьи, занимающейся в Москве ресторанным делом.

Инесса Павловна: агент Брейдо-Агишевых, дама средних лет, акула в своем деле.

Александр (Шурик): агент Игната, от двадцати до тридцати лет, хитрый парень, прикидывающийся простачком.

Оксана Лаврухина: невеста Игната, двадцать семь лет, покоряющая Москву провинциалка, шустрая, пробивная, работает в Банке.

Лидия Яковлевна: соседка по общему коридору, пожилая женщина, живущая одна, с признаками деменции.

Пролог.

Игнат и Галина в комнате, сидят за столом.

Игнат просматривает папку с документами.

Игнат: Цаплины вчера дали аванс. Помнишь, приходили: Он – «Божий одуванчик» и Она – «палец в рот не клади – откусит»?

Галина: Да, неприятная такая. Как будто я ее где-то видела, не могу вспомнить.

Игнат: Вряд ли, просто таких размалеванных много, и все на одно лицо.

Галина (нервно): Так ты, все-таки, решил продать нашу квартиру?

Игнат (отмахиваясь, уткнувшись в документы): Да, да.

Галина: Почему меня не спросил, прежде чем аванс брать?

Игнат: Не хотел скандала, ты всегда против. Против всего и против всех.

Галина: Но это и моя квартира.

Игнат: Кто спорит? Тебе половина и мне половина.

Галина: А если я не соглашусь?

Игнат: Ну тогда я продам свою половину, а ты не соглашайся – будешь жить в коммуналке.

Галина (с досадой): Так только подлецы поступают.

Игнат (ехидно): Какой подлец! В тридцать пять лет захотел жить отдельно от сестры. Как он посмел?

Галина (устало): И что теперь?

Вытаскивает из папки какой-то документ, встает.

Игнат: Так, я поехал. Мне к Шурику надо обговорить детали сделки и в БТИ еще успеть бы заскочить. Они придут сегодня, зал им покажешь, а то они в прошлый раз не видели – ты ж закрыла и ушла с ключами.

Выходит из комнаты.

Галина остается за столом, слышится квартирный звонок. За сценой Голос Игната, впускающего Цаплиных в квартиру: Проходите в зал, там сестра она вам все покажет. А мне надо по делам.

Действие первое.

Марк и Марина Цаплины у входа в комнату. Галина поднимается им навстречу.

Галина: Заходите, только разуйтесь, пожалуйста. В прошлый раз я не открыла – тут очень пыльно было – сюда больше года никто не заходил. А вчера я тут убиралась, пол помыла.

Марина: Да у меня чистые туфли-то, я ж по улице почти не хожу – в машину и из машины только. Мы уже бахилы надели и так.

Галина молча смотрит на Марину, давая понять, что спор неуместен.

Марк: Да без проблем, разуемся, все-таки, почти что дома, уже. (Разувается, входит в комнату, осматривается с довольной улыбкой).

Марина (недовольно-капризным тоном): Маркуша, помоги мне – туфлиними, здесь не присядешь, а стоя я не могу.

Марк послушно возвращается к жене, встает перед ней на колени и снимает с нее туфли.

Марина (Марку): Чего ты возишься так долго?

После того, как все разулись, Марина демонстративно достает из сумки чистые бахилы – надевает их на ноги, дает Марку, чтобы тот тоже надел бахилы на носки. Они проходят в комнату, шурша ногами, Марина садится на стул у стены, достает из сумки салфетки, вытирает руки и протягивает салфетки Марку: На, руки вытри! А то будешь потом грязными руками в машине все хватать.

Марк: Спасибо, солнышко, Мариночка. (ходит по комнате, вытирая руки)

Галина молча наблюдает эту сцену, сидя за обеденным столом, на стуле, стоящем слева, берет листок бумаги и ручку и что-то рисует на нем.

Марина (сморщив нос): Запах неприятный какой-то. Вы кошек держали?

Галина (не поднимая глаз от листа): Нет, кошек давно не было. Последний кот еще при бабушке был отправлен в деревню к ее сестре. Я его подобрала на остановке – злющий оказался, кусачий. Бабушку покусал, у нее рука распухла, обездвижилась, уколы делали ей. А Игнат все дразнил меня: «Зачем ты бабушку покусала?».

Марина (недовольно): Это неважно, не надо мне рассказывать. А что бабушка ваша здесь умерла? Здесь, вообще, кто-то умирал?

Галина (медленно, тихим голосом): Здесь никто не умирал. Умирали все в больницах – дедушка, потом мама. Потом бабушка. А вот поминки здесь справляли, последние по бабушке – почти полтора года назад.

Марина (фыркает): Ужасно! (Встает со стула, начинает ходить по комнате с недовольным лицом)

Марк подходит к столу, рассматривает свободный стул, трогает его, потом садится и придвигает к себе папку, лежащую на столе.

Марк: А мебель нам оставите? Старинная? Документики посмотрю?

Галина: Извините, (замечает, что Марина села в одно из кресел, согнув ноги в коленях и поставив их перед собой, на кресло) Вы, пожалуйста, встаньте. Это бабушкино кресло. Она в нем целыми днями сидела. (видит, что Марк открыл папку): Зачем Вы ее взяли? Не ищите там, где не прятали! Я все документы уже показывала Вашему агенту, он их фотографировал. Владимир, кажется. Я уже запуталась.

Марк: Вадим. Вадим Михайлович. Они с мамой позже подъедут, пробки, знаете. Поехали посмотреть еще одну квартиру. Маме так спокойнее. Хотя, я ей сказал, что мне эта больше нравится: и просторнее и до метро пять минут. Я же не за рулем. Это Мариночка у меня водитель-ас. (смеется) Но с мамой спорить бесполезно. Все-таки, двадцать лет на госслужбе!

Галина (с неприязнью): Представляю себе, в свое время пришлось столкнуться с одной дамой «на госслужбе». Думаю, с тех пор мало что изменилось. Не ищите там, где ни прятали.

Марина (как ошпаренная вскакивает из кресла): Галина Ивановна? Марк, это ж моя училка по английскому. Так постарела, не узнать! Если бы не ее любимая фразочка: «Не ищите там, где не прятали!»! Это она моей мамке так про мои способности говорила: «Не ищите там, где ни прятали!»! И все время пары мне ставила. А потом, вообще, скандал был. Мы должны были в Англию ехать, по школьному обмену, а она (показывает пальцем на Галину) говорит: «Марина не должна ехать, должна ехать Аня – у нее талант к языку, девочка из неблагополучной семьи, ей эта поездка поможет в жизни». Ну, прикинь? Мамка моя в «РА-НО» работает, а ей простая училка такие вещи задвигает. Короче, мамка моя директора, завуча к себе вызывает. Я поехала, а эту (смотрит на Галину) в другую школу бортанули – для детей из неблагополучных семей, вместе с ее любимой Аней. Вот так вот!

Марк: Вот это да, Мариночка! Только не «РА – НО», а в РОНО – районный отдел народного образования, так это называлось.

Галина (с презрением): Да, я тебя тоже вспомнила. Ну, что тебе дала та поездка? Что на Родине Шекспира побывала – что в торговый центр ходила, все равно. Тряпок накупила, которые истерлись все давно и чемодан жвачек. Год потом ходила, как корова, с несмыкающейся челюстью. А я нисколько не жалею, что ушла из вашей «благополучной» школы, где дети не об учебе думали, а о том, как больше выделиться – тряпками, украшениями, деньгами. Я Анечке и другим деткам, которым не так «повезло» с родителями, помогала. Занималась с ними бесплатно. Они все сейчас при деле – один мальчик даже программистом работает в английском банке. А Аня в МГИМО сама поступила, сейчас замужем за дипломатом и в Ирландии живет. И муж у нее красавец, молодой, из хорошей семьи. А у тебя что? Даже он (оценивающе смотрит на Марка) для тебя хорош слишком. Присмотритесь, Марк, жена Ваша – пирог с ничем.

Марк (растерянно): Давайте не будем ссориться! Лучше обговорим сделку.

Галина: Да что Вы? Не будет никакой сделки! В этой квартире мама моя родилась, я, мой брат, моя дочка. Мне плохо уже от того, что Ваша Марина этот пол топчет.

Марина (визжит): Как это не будет? Мы же аванс дали Игнату! Марк, он же взял аванс у тебя? Почему ты ей не ответишь, как следует? Она же меня оскорбляет!

Марк (вскакивает со стула, подбегает к Марине и встает у нее за спиной, и из-за спины начинает выкрикивать): Да, Галина Ивановна! Что Вы себе позволяете? Я сейчас маме позвоню. Мама у меня не последний человек в Москве! По-другому заговорите!

В комнату вбегает соседка Лидия Яковлевна в домашнем платье и тапочках.

Лидия Яковлевна: Галочка, что у Вас случилось? Дверь открыта! Слышу крики, думаю, побегу, может, помощь нужна?

Марина: Нужна! Психушку вызывайте соседке своей срочно, то – продаю квартиру, то – не продаю. (поворачивается к Марку): Звони своей маме! И братцу этой сумасшедшей позвони! Ты, когда аванс давал, брал с него расписку, где она?

Марк (растерянно): Брал, да. Где? Не помню, может в сумке в машине, надо поискать.

Марина: Ничего не можешь сам сделать по-человечески! (толкает Марка к выходу из комнаты): Иди, ищи.

Марк: Мариночка, мне кое-куда забежать нужно. Галина Ивановна, можно воспользоваться удобствами?

Марина: Потерпишь! Не позорь меня!

(Цаплины уходят, слышен жалобный голос Марка: Я быстренько сбегая, я уже не могу...)

Действие второе.

Галина: Чаю, Лидия Яковлевна? Нужно успокоиться. (встает, отодвигает подальше бумаги и документы, разливает чай в чашки себе и соседке, придвигает с дальнего края стола конфетницу)

Лидия Яковлевна присаживается на свободный стул у стола.

Лидия Яковлевна: Галочка, вы продаете квартиру? Да как же так? Ведь ее дедушке вашему за заслуги перед Отечеством дали. Как они с Анной Тимофеевной гордились!

Галина: Игнат настаивает, говорит, нужно разъехаться.

Лидия Яковлевна (не слыша Галину, продолжает вспоминать): Праздники какие здесь были! Людей сколько! Со своими стульями приходили. Песни пели. Детишки бегали, визг какой стоял – под столом всех за ноги хватали. Ты помнишь, Галочка? Ты маленькая, Сонечка моя, Саша и Андрюша Масловы из тридцать седьмой, Леночка из двадцать второй, Максимовы сверху, снизу детишки – всех и не вспомнишь. Магнитофон у вас был из Японии, настоящий. Вот у той стены стоял на тумбочке. Игнаша ползал рядом, толстый такой, забавный, подпевать пытался, смеялся во все горло. Помню, Василий Игнатьич из Чехословакии вернулся, люстру привез, наряды Анне Тимофеевне и Ниночке, подарки всем. Мне сумку. Ой, какая была сумка! Пришлось продать. В девяностых... Повесили люстру – и в тот же вечер праздник. Я как вошла сюда, так и остолбенела. Люстра сверкает, переливается – подвески, как гроздь винограда висят – по всем стенам блики, в стенке – хрусталь начищенный сияет, вазы, бокалы. На столе – чего только нет. Одной колбасы – три вида. Анна Тимофеевна в пепельном парике, в клетчатом костюме, бусы красные, как Татьяна Доронина. Мама твоя в парче зеленой, юбка-колокольчик, прическа, как у Людочки Гурченко. Игнашу нарядили в костюм. Важный, толстый, смотрит из подлобья. Я ему говорю: «Ну что, Игнат Иванович, замминистра будешь, как дедушка?». А он сидит, хохочет – два зуба сверху, два зуба снизу... Ведь он в гробу перевернется, дедушка ваш! Простой парень из деревни, из крестьянской семьи – каких высот достиг! Все сам. Как бабушка и мама твоя гордились Квартирой, Галочка! Как же можно продавать? Чужие люди будут жить! У меня аж сердце заходится. (пауза, пьет чай): А где же теперь та люстра?

Галина (очнувшись от воспоминаний): На даче осталась. Запылилась – мама решила ее протереть, и уронила. Что смогли, собрали – отвезли на дачу... Дед на бабушку кричал сильно: «Ты зачем девочке тряпку в руки дала, сама не могла помыть?». Я плакала – жалко было бабушку, Игнат ревел... Не тянем мы эту квартиру, Лидия Яковлевна. Метраж такой, что на квартплату половина моей зарплаты уходит. А мне, ведь, еще Аленочке и папе помогать надо. Она – студентка, он-пенсионер. Они, хоть и не просят никогда, но всегда рады помощи.

Лидия Яковлевна: Да, что и говорить. Жили-жили, ни у кого не занимали – и, вдруг, всем должны оказались. Платим, платим, все никак не выплатим! Я сама почти всю пенсию каждый месяц отношу, хорошо, мне Сонечка помогает. А куда они их девают, денежки-то наши? Зою недавно встретила с двенадцатого этажа, помнишь, портниха Анны Тимофеевны? Она говорит – крыша худая – никто не чинит, замучилась потолок красить – чернеет постоянно. Говорит: «Я бы поменялась, уехала отсюда, но комнату сыночка не хочу трогать. Там все, как при нем было. Иногда зайду, посижу, словно бы он там, рядом, вышел и сейчас вернется...» ... А сынок-то у нее непутевый был, Костик, помнишь? К ней придут мерки снимать, а он по сумкам шарит, пока мать занимается с клиенткой. У кого трешку, у кого рубль – чтоб не очень заметно было, а у бабушки твоей двадцать пять стащил однажды. Ну уж тут все сразу всплыло – и трешки, и рубли, и червонца, один раз, кто-то не досчитался. Ой, Зойка тогда ходила – белее выкройки. Просила дела твоего – замять, помочь. Ну дед твой – золотой человек был – он с милицией и с военными договорился, Костика в летное училище пристроили, куда-то.

Вернулся – другой человек. Что за парень стал, Галочка! Помнишь? Жалко-то как, молодой такой был, красивый...

Галина (горько усмехаясь): Костю я очень хорошо помню, Лидия Яковлевна. У меня же дочка Алена Константиновна. А Алена папу не помнит. Маленькая была, когда он погиб. Слышала я, как Зоя Александровна прибежала к нам и билась в истерике: «Лучше бы его в колонию отправили, отсидел бы пять лет, зато был бы жив сейчас! А теперь мне даже похоронить некого. Мой сыночек весь по крупиночкам разлетелся в этой пустыне проклятой! Что ж Вы, Василий Игнатьич, не могли сделать так, чтоб его в штабе оставили? Могли же, но не сделали! Почему? За что Вы убили моего мальчика?». Дед вышел ей навстречу, коленки у него тряслись, но говорил спокойно: «Зоя, война – есть война. У меня отец погиб, и я один из семи братьев остался – мал был для войны. Не кричи, не буди маленькую». Я сама не видела, я Аленку спать укладывала, мне бабушка рассказала, как Зоя Александровна молча сползла спиной по стене на пол и встать не могла, скорую ей вызывали. С тех пор она с нами не здоровалась, ни меня, ни даже Алену видеть не хотела. А у деда вскоре после этого инфаркт случился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.